

А. С. Левакин

**РАБОЧИЕ-ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКИ В СОСТАВЕ
КОЛХОЗНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ:
БЫТОВЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

*Работа представлена кафедрой теории государства и права и отечественной истории
Южно-Российского государственного технического университета
(Новочеркасского политехнического института).*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. П. Скорик

Статья посвящена анализу положения и профессиональной деятельности рабочих-двадцатипятидесятитысячников, занимавших руководящие посты в деревне Дона, Кубани и Ставрополя в период коллективизации. Установлены и исследованы особенности профессиональной деятельности и материально-бытового положения двадцатипятидесятитысячников, степень их профессиональной компетенции в сфере аграрного производства, порядок и размеры оплаты труда и пр.

The position and professional activity of workmen-twentyfivethousanders (dvadtsatipyatitsyachniki) occupying administrative posts in villages of Don, Kuban and Stavropol regions within the collectivization period are analyzed. The features of the professional activity and financial and existential condition of twentyfivethousanders are revealed and investigated as well as the extent of their professional competence in the sphere of agrarian production, the procedure and amount of labour wages, etc.

Социально-политическая доктрина большевиков основывалась на непререкаемом постулате о ведущей роли рабочего класса в процессе революционных преобразований российского общества, и в том числе такой крупнейшей в России социальной группы, как крестьянство. И. В. Сталин выражал господствовавшее в компартии мнение, когда заявлял, что «сегодня деревней призван руководить город, крестьянином – рабочий»¹. В соответствии с такого рода идеями на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) и была принята резолюция, предусматривавшая направление в деревню 25 тыс. промышленных рабочих для осуществления руководства «колхозным строительством»².

В советской историографии вопрос о формировании административно-управленческого аппарата колхозов путем мобилизации рабочих-двадцатипятидесятитысячников, казалось, был рассмотрен детально и всесторонне³. Однако освещение данного аспекта коллективизации осуществлялось преимущественно на базе историко-политологического подхода, в рамках которого внимание исследователей акцентировалось на борьбе двадцатипятидесятитысячников с «кулаками», их организаторской деятельности (создание колхозов) и в меньшей мере – на их роли в развитии колхозного производства. Практически не рассматривалась повседневная жизнь двадцатипятидесятитысячников, в частности их материально-бытовое положение в деревне; кроме того, по вполне понятным причинам не затрагивалась проблема хозяйственно-экономической

целесообразности направления на руководящую работу в деревню промышленных рабочих и степень эффективности реализации ими административных функций. Отмеченные аспекты проблемы, не получившие удовлетворительного освещения в отечественной (в том числе в южнороссийской) историографии, и являются предметом исследования в нашей публикации.

В ходе реализации резолюции ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) в деревню Дона, Кубани и Ставрополя (объединенных в данное время в границах Северо-Кавказского края) направилось 2605 двадцатипятидесятитысячников⁴. Большинство из них были «избраны председателями с.[ельско]-х.[озяйственных] коллективов», членами их правлений, завхозами и т. д.⁵ Действительно, согласно сводным отчетам большинства колхозов Северо-Кавказского края, из учтенных в них 1718 двадцатипятидесятитысячников 1406 человек (81,8%) находились на руководящих должностях⁶. Такое соотношение четко свидетельствовало о том, что при формировании административно-управленческого аппарата колхозов сталинское руководство твердо придерживалось большевистской социально-политической доктрины.

Двадцатипятидесятитысячники целенаправленно направлялись на руководящую работу в колхозы. Но уместно ли было формировать колхозный административно-управленческий аппарат за счет промышленных рабочих и насколько эффективно они выполняли задачу руководства аграрным производством?

Думается, с экономической, хозяйственной точки зрения направление на руководящие посты в колхозах представителей рабочего класса представлялось весьма и весьма спорным. Рабочие в силу специфики своей профессии были более-менее знакомы с основами организации крупного производства: эти их знания и навыки, безусловно, являлись полезными при создании коллективных хозяйств (которые первоначально мыслились как «фабрики зерна»). Однако с хозяйственной точки зрения нахождение во главе колхозов людей, которые по роду своей прежней профессиональной деятельности не имели (и не могли иметь) представления о тонкостях сельского хозяйства, чаще всего представлялось нецелесообразным и даже вредным.

Двадцатипятидесятники, правда, перед отправкой в колхозы прошли специальные краткосрочные курсы, на которых получили «элементарные сведения о сельскохозяйственных машинах, агрономии и зоотехнике»⁷. Но элементарных знаний для эффективного управления колхозами было явно недостаточно; к тому же вряд ли эти знания были усвоены двадцатипятидесятниками за краткое время пребывания на курсах. Так что большинство вчерашних рабочих, ставших в одночасье председателями колхозов, не только не могли повысить экономическую эффективность возглавляемых коллективных хозяйств, но постоянно демонстрировали примеры своей сельскохозяйственной безграмотности и нередко допускали в своей работе грубейшие (с точки зрения крестьян) промахи и ошибки. Не случайно сами двадцатипятидесятники признавались: «Сам в работе плаваю, незнаком с с[ельским]/хозяйством»; «Незнаком с сельским хозяйством, работать трудно»⁸.

Конечно, среди двадцатипятидесятников было немало людей, сумевших вникнуть в сложности и тонкости аграрного производства на Юге России и наладить эффективное функционирование вверенных им колхозов (таков, например, был председатель колхоза «Гигант» Тимашевского

района Северо-Кавказского края А. С. Косарев, под руководством которого хозяйство в 1931 г. завоевало Всесоюзную премию за производственные достижения⁹). Однако большинство двадцатипятидесятников не сумело (да, видимо, и не пыталось) выйти за рамки роли стороннего администратора, вся деятельность которого сводилась к постоянному контролю за крестьянами и борьбе с «классово чуждыми элементами» в колхозах. Целый ряд примеров сельскохозяйственной безграмотности и беспомощности многих двадцатипятидесятников свидетельствует, что руководство компартии при отправке рабочих в деревню руководствовалось не столько хозяйственно-экономическими соображениями, сколько политико-идеологическими расчетами.

Касаясь другого аспекта затронутой нами проблемы – материально-бытовых условий жизнедеятельности двадцатипятидесятников, следует отметить, что размеры вознаграждения труда этих «посланцев социалистического города»¹⁰ в деревне зачастую были далеко не адекватны объемам и важности выполняемых ими задач. Местные органы власти на Юге России признавали, что нередко наблюдались факты крайне неудовлетворительного материального обеспечения двадцатипятидесятников, получавших мизерное жалованье, не имевших квартир и ютившихся по общежитиям и пр.¹¹

В частности, долгое время не была налажена выплата двадцатипятидесятникам заработной платы. Дело в том, что в отличие от колхозных руководителей из числа местных крестьян двадцатипятидесятники обычно получали за свою работу не трудодни, а заработную плату в денежном выражении. Причем если на новом месте работы должностные оклады двадцатипятидесятников были меньше жалованья, которое им ранее выплачивалось на заводах, то предприятия обязаны были за свой счет возместить эту разницу.

Однако на самом деле не существовало (по крайней мере, на первых порах) четко

определенных ставок оплаты труда двадцатипятидесятников; как признавали работники Северо-Кавказский РКИ, «самое главное, это то, что ни один мобилизованный не знает[,] сколько он будет получать зарплаты». Так, по сообщениям двадцатипятидесятников, работавших в колхозах Тарасовского района Северо-Кавказского края, ставки их зарплаты колебались от 30 до 120 руб., причем выплачивалась она нерегулярно, ибо у колхозов не было денег¹². Иной раз двадцатипятидесятники шли на своеобразный шантаж, чтобы получить свои законные деньги. В частности, в Кропоткинском районе Северо-Кавказского края двадцатипятидесятник Денисюк, оставшийся без средств к существованию, заявил районным властям об уходе с работы и лишь после этого «со скандалом получил аванс в 50 руб.»¹³. Промышленные же предприятия не спешили выполнять свои обязанности в отношении бывших работников и возмещать им образовавшуюся разницу между зарплатой на старом и новом месте работы: об этом, например, говорили все участники прошедшего в марте 1930 г. совещания двадцатипятидесятников Тарасовского района Северо-Кавказского края (а в нем принимал участие 31 рабочий!)¹⁴. Некоторые рабочие, не выдерживая бытовых неурядиц, сложностей работы в незнакомой им сельскохозяйственной сфере и трений с местными властями и колхозни-

ками, возвращались в города, что расценивалось как дезертирство.

Итак, двадцатипятидесятники зачастую не могли с достаточной степенью эффективности руководить вверенными им коллективными хозяйствами, да и материально-бытовые условия их жизнедеятельности нередко не способствовали этому. В целом, однако, большевистское руководство было удовлетворено деятельностью двадцатипятидесятников и вообще рабочих в составе колхозной (и местной) администрации. Несмотря на целый ряд хозяйственных упущений, вызванных слабым знакомством с сельским хозяйством, «посланцы города» выполнили главную задачу – активно содействовали ускоренному осуществлению коллективизации, вовлекли максимально возможное количество крестьян в колхозы и осуществляли над ними постоянный контроль. Поэтому правительственные органы в мае 1930 г. приняли решение оставить двадцатипятидесятников на постоянной работе в колхозах, с чем в большинстве своем были согласны и сами вчерашние рабочие. В результате принятых мер к лету 1931 г. в деревне оставалось более 18,5 тыс. двадцатипятидесятников¹⁵. Это означало сохранение значительного удельного веса рабочих (т. е. наиболее активных и последовательных сторонников власти) в составе колхозной администрации, в том числе и на Юге России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сталин И. В. Современный момент и объединительный съезд рабочей партии // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 1. С. 271.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953: 7-е изд. В 2 ч. Ч. II: 1925–1953. М.: Госполитиздат, 1953. С. 524.

³ См., напр.: Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954; Езерская Д. М., Ивницкий Н. А. Двадцатипятидесятники и их роль в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. (Отбор, распределение, итоги первого года работы) // Материалы по истории СССР. Т. I: Документы по истории советского общества. М., 1955. С. 394–395; Вылцан М. А. и др. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения / М. А. Вылцан, В. П. Данилов, В. В. Кабанов, Ю. А. Мошков. М., 1982.

⁴ Осколков Е. Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1973. С. 191.

⁵ Материалы по истории СССР. Т. I. С. 490.

⁶ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. р-98. Оп. 2. Д. 79. Л. 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 27, 30, 33.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

---

⁷ *Езерская Д. М., Ивницкий Н. А.* Указ. соч. С. 394–395.

⁸ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 84. Л. 22.

⁹ *Вульфсон С.* МТС им. Кагановича. Ст. 1 // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1938. № 12. С. 78.

¹⁰ *Абрамов В.* Сталинская забота о колхозных кадрах // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 1. С. 34.

¹¹ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 42. Л. 114, 247; ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 84. Л. 6, 8.

¹² ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 84. Л. 9, 22–24.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 9, 22–24.

¹⁵ Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар, 1972. С. 422 – 423, 491; История советского крестьянства. Т. 2. М., 1983. С. 181–182.